

ВЫХОД В СВЕТ ПЕРЕВОДА «КОМПЕНДИУМА» В. ПАРЕТО: НЕКОТОРЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ФОНЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ

12 марта 2008 года в Государственном университете – Высшая школе экономики состоялась презентация первого издания на русском языке «Компендиума по общей социологии» Вильфредо Парето. Приезд атташе по культуре посольства Итальянской Республики — синьоры **Мария Сика** — показатель не только научной, но и культурной значимости данного события. Открыл презентацию первый проректор ГУ-ВШЭ, профессор **В.В. Радаев**.

Е.А. Иванова (к. э. н., директор Издательского дома ГУ-ВШЭ) рассказала об истории публикации перевода. Он осуществлен в рамках проекта ГУ-ВШЭ «Инновационные образовательные программы» — части приоритетного направления государственного стимулирования инновационного развития высшей школы. Программа включает издание учебной литературы и научных монографий. Е.А. Иванова отметила, что с самого начала была уверена в оправданности включения в план издания наряду с другими прошедшими конкурс проектами и этой книги, которая никогда не издавалась в России. Было ясно, что она будет сохранять актуальность для всех, кого обучают в ГУ-ВШЭ. Наверное, если бы не этот инновационный проект, не удалось бы сосредоточить ресурсы, необходимые для выхода книги в свет.

В итоге крупный социологический труд итальянского ученого стал впервые полностью доступен в переводе отечественным читателям, среди которых могут быть не только социологи, но и экономисты, политологи, историки науки. Значение перевода работ социологов такого калибра, как Парето, для развития отечественной социологии трудно переоценить. В своем выступлении профессор **В.А. Ядов** рассказал о ностальгических чувствах, которыми встретил издание русского перевода Парето. И эти его слова навели меня на мысль, которую могли бы спроецировать на свой жизненный путь многие ветераны отечественной социологии, лишь сейчас получающие возможность читать Парето (тираж в 1 тыс. экземпляров — не так много): если бы возрождение социологии в России (процесс, начавшийся в 1960-е годы и проходивший до конца 1980-х годов) шло не на базе преимущественно (возможно даже исключительно) социологии Т. Парсонса и Р. Мертона, но и с освоением наследия Парето и многих других классиков, включая К. Маркса, как ни парадоксально воспринималось бы в то время его включение в этот состав, то траектория ее развития была бы несколько иной, даже наверняка оказалась бы иной. Все же рамочные условия, задаваемые развитием науки, очень важны.

История «Компендиума» такова. «Трактат по общей социологии» Парето впервые вышел в 1916 г. на итальянском языке, а в 1917-1919 — в переводе на французский. В послевоенной обстановке, когда возрастал интерес к социологии, возникла идея сжато изложить его содержание. Поэтому в 1920 г. в свет вышел «Компендиум по общей социологии» — сокращенный вариант, выполненный под руководством Парето его учеником Джулио Фарина. Объем «Компендиума» —

* Материал подготовлен при поддержке РГНФ, грант № 06-03-00108.

примерно пятая часть «Трактата»; тексты обоих трудов идентичны за исключением немногих дополнений и разъяснений, сделанных самим Парето. Русский язык, как сообщили на презентации, — третий (вслед за английским и японским), на который был переведен «Компендиум».

Российские читатели смогут теперь предметно судить о «калибре» итальянского социолога, в частности, о правомерности его отнесения к классикам. В результате публикации становится возможным сопоставить социологическое наследие Парето с наследием его современников — М. Вебера, Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля. Высокий ранг Парето в социологии, на мой взгляд, становится более обоснованным. Бесспорно, Парето — выдающийся социолог и мыслитель своего времени. Он решает те же проблемы, что и Дюркгейм и Вебер, воспринимает проблематику молодой науки — социологии и предвосхищает кое-что из того, что в социологическую теорию и практику вошло значительно позднее через американских и немецких последователей Фрейда (например, логические и нелогические действия людей). В этом же ряду его мысль о необходимости различения (вполне по П. Бурдьё) разумности человека и его рациональности.

Начнут рассеиваться и некоторые недопонимания, часто вызываемые тем, что наш читатель был долгое время лишен возможности читать оригинал главного труда Парето. Парето — эмпирик *suī generis*. Его социологическое творчество, его систематику социологии не понять без знания экономической составляющей научной биографии этого ученого (сужу по собственному опыту построения курса истории зарубежной социологии). Он пришел в социологию из экономической науки (и практики) с богатейшим опытом работы в ней и наблюдения за экономическим поведением и сознанием людей разных уровней. Базовые потребности людей он знал не понаслышке. И в социологию его привело убеждение в том, что в поведении людей, если их не считать *homo oeconomicus*, логики нет. К данному обстоятельству прибавляется еще и огромная роль для социологии Парето его предшествовавшей карьеры — инженера, менеджера, а затем профессора политической экономии.

Синьора **Мария Сика** в коротком обращении от себя и от имени директора Института итальянской культуры в Москве Альберто ди Мауро выразила благодарность всем, кто работал над книгой, а также издательству. Она познакомила участников презентации с направлениями деятельности Института итальянской культуры, одно из которых — налаживание связей с российскими университетами и поддержка работ по переводу и изданию классических итальянских книг. Синьора Мария отметила, что Парето был не только социолог, но и экономист, что имеет особое значение, поскольку через социологическую трактовку ему удалось выявить те аспекты в поведении людей, которые в рамках экономической науки он не мог расшифровать.

Научный редактор перевода — **М.С. Ковалева** (Издательский дом ГУ-ВШЭ) развернула эту тему. Приведу фрагмент ее выступления из стенограммы: «В области экономики Парето не смог найти объяснение своим законам о равновесии и распределении доходов, и поэтому вышел за пределы экономики, чтобы перейти затем к направлению знаний, которое называют социальной мыслью. Парето — это оригинальный мыслитель, и как любой оригинальный мыслитель он опережал свое время, проявлял интерес как к научному, так и к ненаучному знанию. В социологии он изучал именно

нелогические действия, поскольку социальная жизнь, по его мнению, построена именно на нелогическом поведении. В этом поведении он пытался как раз найти его [знания] истоки. А это — вербальные выражения наших чувств. Психологии тут никакой нет... По Парето, наука имеет такую же ценность, как и мифы, как и любое другое знание. Для него самым важным было выяснить, что побуждало людей к определенному рода поступкам, на чем были основаны движения, которые привели к тем или иным историческим событиям, к слову старого устройства, к появлению каких-то новых признаков».

По словам переводчика книги **А.А. Зотова** (Институт социологии РАН), через все этапы научного творчества Парето проходит стремление выделить в социальных феноменах их объективную и субъективную составляющие. При изучении особенностей процессов обмена экономическими благами и их потребления Парето отделил полезность последних с точки зрения субъекта экономического поведения (офелимость) от объективной полезности. Аналогично он разделил феномены социализма — это «реальные» и «идеальные» социалистические системы. В социологии Парето провел примерно такую же дифференциацию социальных действий. Речь идет о рассмотрении им объективной логики поведенческого акта (выявление характера связи между целями действий и применяемыми для их достижения средствами) и его субъективной логики. Иными словами, Парето интересовало то, как субъект социального действия представляет себе связь между средствами и целью действия, и совпадает ли она с «объективной» данностью, выявляемой логически и экспериментально.

Об актуальности Парето в сегодняшней России высказались многие участники презентации, в основном — в связи с созданной им теорией обновления и циркуляции элит. Переводчик продемонстрировал, насколько актуальна сейчас его публицистика: Многие статьи Парето конца XIX века с осуждением протекционизма, рассмотрением строительных спекуляций и фактов коррупции в ходе избирательных кампаний, махинаций правительственных функционеров в банковско-кредитной сфере читаются так, словно были написаны совсем недавно.

Интересные дополнения, касающиеся значимости книги, высказал социолог, филолог и переводчик **Б.В. Дубин** (Левада-Центр). Он отнес Парето к тому поколению отцов-основателей социологической науки, для которого еще не разошлись пути экономики, социологии, политической науки, моральной философии, отметил чрезвычайную историческую погруженность идей Парето, постоянное соотнесение их с историей — от самой глубокой и до самой новейшей, живой и непосредственной, в которой принимал участие он сам. Считаю необходимым отметить от себя, что для этого выдающегося социолога чрезвычайно велика также роль родной культуры и уважение к эллинистической традиции — в тексте «Компендиума» он выглядит часто как современник античных мыслителей, — в отличие даже от Сорокина, не говоря уже о Парсонсе. Парето высоко ценил и любил историю, что подтверждается частым использованием им трудов античных (латинских и греческих) авторов.

На презентации говорилось и о причинах того, что в нашей стране так поздно получили возможность «встречи» с Парето. Судьба его социологии в советской и отчасти постсоветской России стала жертвой идеологического мифа: «Парето — идеолог фашизма». Муссолини, как известно, пытался сделать умершего в 1923 г. ученого своего рода теоретическим знаменем

данного движения. Появился штамп — «Маркс фашизма» вслед за другим штампом — «Маркс буржуазии» (в связи с критикой социалистической идеологии в «Социалистических системах»). Но и такого «Маркса» надо было изучать (особенно в нашей стране), а не игнорировать. Поэтому и не знали фашизма, хотя германский нацизм и итальянский фашизм не идентичны. В одном старом советском фильме герой, услышав разъяснение, что исполняется музыка итальянского композитора, выстреливает (без рефлексии) вбитую в сознание пропагандой реплику: «Итальянец? Фашист?». По такой логике упрека заслуживают и приверженцы социализма на том основании, что Муссолини начинал политическую карьеру в среде социалистов. На конгрессе Итальянской социалистической партии (1912 г.) он был избран в ее руководство и утвержден главным редактором газеты «*Avanti!*» — ее центрального органа (оставался им до 1914 г.). Ни в коей мере нельзя делать вывод о приверженности Парето к идеологии фашизма только на основе факта его положительного восприятия захвата власти Муссолини в 1922 г. Его отношение совпало тогда с позицией абсолютного большинства итальянских интеллектуалов, включая Бенедетто Кроче. Парето увидел в этом событии установление твердой власти (приход военных, которые в послевоенной Италии покончат с анархией и экстремизмом и защитят государство) и ожидал от Муссолини конституционных реформ, что следует из его статьи «*Феномен фашизма*». Содержание же теории Парето никак не отвечает программе Национальной фашистской партии Италии. Фашизм представлял собой новый феномен, которого история еще не знала.

А ведь в реальной истории этот подход был применяем и к Парсонсу, и не только в СССР. Необходимо помнить о роли в нашей стране стереотипов. Избави Бог Россию от них, как и от игнорирования наследия классиков! Проблема эта парадоксальным образом актуальна: кто сейчас у руля государства озабочен тем, чтобы в движении страны учитывались рецепты большой теории? Безразлично какой: социологии, экономики, политической науки; «большая теория» — не помеха великой стране. Поменьше бы говорили о великой державе, а побольше — о большой науке.

О тонкостях перевода текста «Компендиума» Парето много говорить не стану, для этого надо профессионально сопоставить итальянский оригинал и русский перевод. Но, несомненно — и это достижение переводчика — от него требовалось подняться в известной мере до уровня источника. Перевод, в частности, отражает успешные усилия переводчика и редактора по передаче присущего Парето незаурядного знания античной литературы, всей истории Античности, Средневековья, древнегреческого, латыни, ряда европейских языков. Важным является также знание современной научной литературы о Парето. В этом аспекте в публикации классических текстов важна культура издания, горизонты эрудиции переводчика. В русском тексте «Компендиума», как минимум, не бросаются в глаза ставшие стандартными дефекты работы не очень квалифицированных переводчиков. Чаще всего они являются следствием специальной (в данном случае — социологической) неграмотности или незнания смежных языков. В качественной стороне изданного труда Парето, конечно, большая заслуга редактора и корректоров выпустившего книгу издательства. Очень хорошо смотрится и научно-справочный аппарат. Издательству Высшей школы экономики хочется пожелать держать марку качества.

Добротность перевода обеспечивается трудом и усердием переводчика. В лице А.А. Зотова явился еще один из немногих наших знатоков Парето — своего рода «паретовед», вслед за **А.Б. Гофманом**, много писавшем об этом итальянском социологе. Гофман присутствовал, выступил на презентации и поддержал коллегу. Но, странным образом, переводчик «Компендиума», в течение многих лет работающий не только с идеями Парето, но и по проблематике отдела теории и истории социологии, притом в Институте социологии РАН — даже не кандидат наук. Хотя специальные знания, отраженные в выполненном им переводе, говорят о его высокой квалификации, научной точности в обращении с социологической классикой. «Остепенение» таких людей нужно хотя бы для материального поощрения, не лишнего по нынешним временам в науке. Государственную поддержку ученых надо использовать. Зотов несколько лет переводил Парето, не имея не только договора с издательством, но и уверенности, что перевод вообще будет когда-либо напечатан. Слава Богу, сработал механизм конкурсов, грантов. Хорошо, что имеются такие подвижники и есть издательства, понимающие значение переводной научной литературы в современных условиях нашей страны, о которых говорить излишне.

Н.И. Лапин — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии, отметил, что подход и аналитика нелогических действий у Парето созвучны с предшествующим изучением психологии поведения масс, толпы (Г. Лебон, Г. Тард). Речь зашла и о переводе знаменитых «резидуев» (*residues*). Н.И. Лапин напомнил, что П.А. Сорокин переводил этот термин Парето посредством понятия «базовые потребности». Строго говоря, Сорокин дает не перевод, а описание понятия. Не считая себя достаточно компетентным (поскольку не читал Парето в оригинале), все же осмелюсь предложить такой вариант перевода резидуев, как «отложения». Английский словарь по гидростроительству именно этим словом переводит термин *residues*. Все, что несет в своей воде река, оседает на ее каменном, скальном основании, образуя придонные отложения. Они действительно служат основанием — важным для возведения гидротехнических сооружений.

Многие выступавшие говорили об актуальности Парето. При обсуждении «Компендиума» не могло не возникнуть вопроса об элитах, главным образом в злободневном для России смысле присвоения этого термина людьми отнюдь не избранными. Быть может, лет двадцать назад возможность читать подлинники трудов Парето остановила бы некоторых наших обществоведов, главным образом «политологов», от преподнесения некоторым из «власть придержащих» ранга элиты. Запомнилось и приведенное профессором ГУ-ВШЭ **А.Б. Гофманом** наблюдение — никто не ругает политиков так яростно, как люди, сами в политике не состоявшие. Верно подмечено. Хоть проверяй социологически эту гипотезу. Труд Парето сообщает и о том, что элитам при отсутствии циркуляции грозит стагнация. Его критерии отбора, заслуг, цивилизованности — напоминание тем, кто не склонен принимать всерьез предупреждения науки. Это говорит не безликая наука, а большой ученый, прозрения которого до сих пор подтверждались. Классика есть классика.

Н.В. Романовский,
доктор исторических наук, профессор,
зам. главного редактора журнала
«Социологические исследования»